

« Э... вот как?»

То был вечер того дня, когда император впервые предстал перед своими наложницами. Вернувшись в свою комнату, Рими нашла лист бумаги, на котором было написано много незнакомых слов. Потратив некоторое время на расшифровку сообщения, хорошо используя самодельный глоссарий, который доверил ей вакокуанский переводчик, она, наконец, смогла понять, что там написано.

"Вы жалка иностранка. Вы грязная проститутка. Отсечение головы святым мечом Его Величества было бы достойным концом для такой, как вы", или что-то в этом роде. Сообщение почти полностью состояло из грязных сленговых слов, таких слов не найти в обычной книге Конкоку, так что глоссарий переводчика пригодился.

Когда переводчик вручил Рими глоссарий, он сказал: «Я уверен, что он вам пригодится». Рими догадалась, что парень этот был весьма смышленным парнем, который прекрасно понимал, что из себя представлял задний дворец Конкоку.

Еще до того, как Рими присоединилась к заднему дворцу, она уже представляла, какой может быть здесь жизнь. Ее предсказания оказались пугающе точными. Возможно, она была всего лишь одной наложницей среди 120, но люди начали сплетничать о принцессе из Вакоку, ей было трудно не выделиться. Не говоря уже о том, что было очевидно, что у Рими не было устрашающих людей, поддерживающих ее, и ее ранг был просто Леди Драгоценной Беви — дворцовой женщиной. И для Благородной Супруги Со, и для того, кто бросил эту записку в её комнату, Рими была идеальной мишенью для умаления и снятия стресса.

Для Рими, которая привыкла жить как птица в клетке, даже домогательства могли быть забавными, если в них была некоторая доля непредсказуемости или если её ждали открытия, но до сих пор непредсказуемости она не замечала.

"Хотя я полагаю, что чрезмерно изобретательное издевательство было бы по-своему неприятно", - пробормотала Рими. Она поднесла листок к огню свечи, чтобы сжечь его, встала из-за стола и села за стол. Ужин, который минуту назад принесла ей старая служанка, стоял на столе, и от него поднимался мягкий пар. Еда состояла из обжаренных овощей и мяса, покрытых густым соусом с кисло-сладким запахом. Рими подняла палочки и начала есть.

Она откусила один кусочек, потом второй, но вскоре снова опустила палочки и вздохнула.

"Я до сих пор не чувствую вкус... Со мной что-то не так? Я не понимаю..." Она совершенно не могла ощущать вкус еды, и не только этой еды - всей еды, которую она ела с тех пор, как присоединилась к заднему дворцу, вся еда казалась ей никакой.

Что-то странное было с ее чувством вкуса.

Она почти не осознавала своего чувства одиночества и беззаботного поведения. Всякий раз, когда такие чувства были близки к выходу на поверхность, она заставляла их отступать. Однако, в конце концов, она была всего лишь человеком, и в глубине души эти чувства неуклонно росли. Возможно, это было причиной ее слабого чувства вкуса. Кто ж знал, что даже я, которую леди Сайгу всегда ругала за беззаботное поведение, может закончить так.

Она с нетерпением ждала возможности увидеть, на что похожа конкокуанская еда, но как она могла наслаждаться этой иностранной кухней, если не могла даже ощутить её вкус? И хуже всего было то, что без чувства вкуса, была ни к чему её одна единственная её испускательная черта - ее умение готовить.

«Ну, не то чтобы здесь кто-нибудь ел то, что я готовлю...»

Чувствуя себя несчастной, отчасти от одиночества от того, что одна приехала в чужую страну, а отчасти от того, как неуютно ей было там, где она сейчас оказалась, она глубоко вздохнула. Стул на котором она сидела, комната, в которой она находилась, все казалось ей таким чуждым, как будто они отказывались принять ее.

«Кажется, я снова без места на этом свете. Теперь рядом нет Леди Сайгу, чтобы насладиться едой, которую я готовлю.» Думая, что она следит за тем, чтобы не говорить вслух на вакокуане, она не чувствовала себя ближе к тому, чтобы приспособиться к Конкоку.

«Нет, так не пойдет. Я должна извлечь максимальную пользу из своего положения. О да, я знаю!» Она оттолкнула бурлящие в груди чувства, положила палочки на стол, встала и направилась в свою спальню.

Той ночью три дня назад, когда Рими впервые заметила, что с ее чувством вкуса что-то не так, она попыталась провести некий эксперимент: она схватила маленький терракотовый горшок, стоявший в углу комнаты, который она принесла с собой. Когда она открыла крышку, из горшка поднялся приятный запах — сладкий, насыщенный аромат, напоминающий рисовое вино.

"Какой прекрасный, мягкий аромат." Она наполнила свои легкие этим запахом, затем опустила руки в горшок и ощупала его. Из толстого, блестящего и белого маринада она вытащила маленькую половинку весенней дыни. Дыня потеряла небольшое количество воды, но ее светло-зеленый цвет, напоминающий тонкий нефрит, все еще был при ней. Рими завернула дыню в бумагу и на легкой ноге направилась на кухню.

Слуги, работавшие на кухне, казалось, были удивлены внезапным появлением Рими. Высокопоставленные дворцовые женщины обычно не посещали кухню. Однако, когда Рими вежливо попросила их нарезать дыню на тонкие кусочки, они умело справились. Она отодвинула еду на столе, взяла с фарфоровой тарелки кусочек дыни и положила в рот...

Она почувствовала слабый сладкий аромат рисового вина, когда откусила знакомую, хрустящую, но мягкую дыню. Затем она сделала глоток горячей воды. Когда вода стекала ей в горло, она почувствовала приятный запах и вдруг даже горячая вода показалась вкусной.

"Я чувствую вкус." Рими несколько раз удивленно моргнула, после чего на ее лице появилась улыбка облегчения, и она взяла в рот ещё один кусочек. В последнее время она не могла чувствовать вкус, мысль о том, что она может наслаждаться этим вкусом, успокоила ее разум.

Рими любила поесть. Если она могла поесть всласть, в какой бы жалкой ситуации она ни оказывалась, она никогда не чувствовала себя несчастной. Возможно, это был животный инстинкт.

«Подожди-ка, может быть...» Ей пришла в голову идея, и она протянула руку, чтобы попробовать кусочек конкокуанской еды, но при этом слабый привкус соли наполнил ее рот.

«Кажется, если я буду есть каоридзукэ, ко мне возвращается чувство вкуса, хотя бы немного. Если теперь я буду есть каоридзукэ каждый день, возможно, в какой-то момент я смогу правильно ощущать вкус еды». Она почувствовала облегчение в тот момент. Прямо сейчас Рими не для кого было готовить, но если к ней вернулось чувство вкуса, она сможет готовить еду, и уже не все будет казаться таким безрадостным.

В семь лет Рими сумела найти себе место с помощью готовки. Должно быть, то же самое можно сделать и здесь, в Конкоку, подумала она. Её оптимизм пришел от столпа, что поддерживал её, столп на строительство которого она потратила десять долгих лет как Умасино-Мия. Пока у нее был этот столп, Рими могла чувствовать себя непринужденно.

Возможно, однажды кто-то предстанет перед Рими, чтобы поесть и насладиться едой, которую она приготовила. Если бы тогда ее чувство вкуса не работало, все было бы напрасно. Рими не могла бы быть без чувства вкуса. Таким образом, она будет использовать каоризуке с пользой.

Она испытывала огромную благодарность к человеку, который был добр к ней в тот день, когда она впервые вошла в задний дворец, и который позаботился о том, чтобы ей не пришлось расставаться со своим каоридоко. Он все еще был единственным человеком в Конкоку, который был к ней добр.

Хотела бы я снова увидеть его... Она как-то скучала по этому человеку, имени которого даже не знала.

"Если вы не едите свою еду, я ее уберу", - раздраженно сказала только что вошедшая старая служанка, протягивая руку к тарелке. Затем она заметила фарфоровую тарелку рядом с Рими и сделала такое выражение лица, как будто только что заметила насекомое: «Что это такое?»

"Хотите немного? Я сделала это из этого горшка".

"О, боже мой, нет. Я слышала, что вы принесли с собой горшок с неизвестным веществом, когда вошли в задний дворец, чем разозлили евнухов".

"Но я получила разрешение. Как грустно, что у вас его нет. Знаете, есть его полезно для кожи".

"Что?!"

Старая служанка инстинктивно потянулась за дыней, но Рими только что положила в рот последний кусок. Рими извинилась с «О, извините», но служанка только горько посмотрела на нее в ответ.

"По крайней мере, ваша кожа, безусловно, прекрасна, леди Рими. Но я не могу себе представить, чтобы употребление чего-то подобного было полезно для вашей кожи".

Рими дали фамилию Сецу, что означает "снег". Судя по тому, что она слышала, это имя произошло от того, насколько светлой была ее кожа. И ее кожа действительно была красивой. Ее тонкие щеки были гладкими, но упругими - напоминающими мягкие, гладкие моти.

Говорят, что употребление каоридзукэ делало вашу кожу красивее благодаря духам, которые жили в каоридоко, очищая ваше тело. По мере того, как ваше тело очищается духами, эффекты постепенно проявляются на вашей коже, но так, как духи не любили огонь, они исчезнут, если каоридоко нагреть.

"Не разбивай горшок. Если вы это сделаете, я могу убить вас... немного "

"У-убить меня?!"

"О, "убить" неправильно? Эм... "ударю", может быть?.." Она пыталась сказать, что если служанка разобьет горшок, Рими, возможно, не сможет её простить, но, видимо, она употребила неправильное слово.

"Перестаньте с этими пугающими угрозами. Не беспокойтесь, учитывая, что мастер Шусей дал вам разрешение, я не буду его выбрасывать."

Рими вскочила со стула, услышав, что сказала старая служанка, и поспешно попросила у нее разъяснений.

"Подождите, что? Что вы только что сказали?"

"Я сказал, что не буду его выбрасывать".

"Нет, нет! Что-то о разрешении. Разрешении? Чьим разрешении? Вы назвали имя!"

«Вы имеете в виду мастера Шусея?»

"Да, его! Скажите мне его полное имя! Кто он?!"

Она была уверена, что это должно быть имя человека, которого евнухи отказались назвать ей.

"Боже, вы не знаете о мастере Шу Шусее, хотя получил разрешение непосредственно от него? Я поражена."

"Значит, его зовут мастер Шу Шусей? Расскажите мне о нем. Кто он?"

«Он императорский назначенец, работающий в Бюро жертвоприношений Министерства обрядов, и кузинолог».

"Кузинолог? Что это такое?"

«Кузинология — это новая область науки, которая касается еды».

"Наука про еду?! Есть наука о еде?! И мастер Шусей в ней ученый?!" Голос Рими стал выше втрое от удивления. Служанка, казалось, о чем-то догадалась по реакции Рими и явила сардоническое выражение.

"Мастер Шумей считается заместителем министра четвертого ранга. Не говоря уже о том, что он сопровождал Его Величество как в учебе, так и в играх с тех пор, как они были молоды, и дает ему советы как великий советник. Видите ли, его отец - канцлер. Шу, который служил при императорском дворе со времен предыдущего императора, и мастер Шусей сам однажды станет канцлером. Неважно, сколько вы будете умолять — он не тот человек, с которым кто-то с вашим статусом может общаться».

"Он советует Его Величеству? И все же он кулинар?"

"Мастер Шусей упрямо заявляет, что не интересуется политикой, и вместо этого желает продолжить свои исследования в области кулинарии. Однако большинство считает, что Его Величество планирует в какой-то момент повысить его до канцлера".

Значит, он очень высокопоставленная личность... но я все равно хочу его увидеть... - подумала Рими, словно лелея маленький огонек, загоревшийся в ее груди.

Мастер Шу Шусей, кулинар... Была поздняя ночь, и Рими шла на кухню, держа в руке подсвечник, и думала о Шусее.

Она положила немного каоридзукэ в рот и почувствовала, как к ней чуть-чуть возвращается чувство вкуса. Если она будет продолжать есть каоридзукэ каждый день, как сейчас, она была уверена, что к ней скоро вернется чувство вкуса. Так что ей нужно было сделать еще больше. ..

Когда она добралась до кухни, было уже слишком поздно, так что там не было ни одного человека, и огонь не горел. Когда она заглянула в дверь, чтобы решить, что делать, она услышала позади себя высокий мужской голос. ..

"Что вы делаете?"

Она обернулась и увидела евнуха, заведовавшего кухней, евнух поднес свой подсвечник к Рими, чтобы лучше рассмотреть ее лицо, и не смог скрыть удивления.

Когда Рими попросила немного овощей с кухни, евнуху, видимо, не хватило терпения читать ей нотации, и он просто пожал плечами, сказав: «Вот, возьмите, сколько вам нужно», и ушел.

Рими ступила на прохладный земляной пол кухни.

Рядом с задней частью кухни стояла бамбуковая корзина с овощами, достаточно большая, чтобы в нее поместился человек. Она шагнула вперед, освещая путь свечой. Поставив свечу в подсвечник на колонне, она сняла крышку бамбуковой корзины.

Она надеялась найти весеннюю дыню — маленькую нефритового цвета дыню, которая идеально подходила для маринования. Не имея ничего, что могло бы направить ее в темноте, кроме ее осязания, она порылась в бамбуковой корзине и сумела найти три весенние дыни. Продолжая поиски, она вдруг схватила что-то мягкое и пушистое.

Мягкое? Пушистое...?

Задаваясь вопросом, что за овощ мог иметь эту странную структуру, она вытащила его. Это оказалось животное, достаточно маленькое, чтобы поместиться в две руки. Оно было длинным, пушистым, имело четыре ноги и длинный хвост. Уши у него были маленькие и заостренные, а между ними были две маленькие твердые шишки.

Оно не похоже ни на один овощ, который я когда-либо видела. Это какая-то... длинная мышь?

Она и раньше видела фотографии длинных иностранных собак. Но это животное было слишком маленьким для собаки. Оно было длинношерстным и с серебристой шерстью. Учитывая, что оно рыскало по овощам, должно быть, это была какая-то редкая мышь Конкокуа, решила она.

Она попыталась погладить животное по мягкой спинке, и при этом он издал тихий писк и открыл глаза. Он несколько раз моргнул своими круглыми голубыми глазами, прежде чем посмотреть на Рими. Он казался очень слабым и даже не пытался вырваться из рук Рими, а то, как он беспокойно озирался вокруг своими круглыми глазами, делало его еще более беспомощным и милым.

«Какой милый... Может быть, я просто оставлю его себе». Она хотела оставить его, чтобы вылечить, а затем отпустить на волю, когда он снова почувствует себя хорошо. Забота о мышонке, таком милом, снова придаст ее жизни здесь какой-то смысл, решила девушка.

По сравнению с ирисами и пионами, которые были высокопоставленными супругами, Рими была всего лишь полевым цветком, привезенным в задний дворец из далекой чужой страны, одиноким, беспомощным, чужим цветком, посланным сюда без поддержки. Здесь не было цветов, которые цвели бы таким же цветом, как она.

Однако даже одинокий цветок, цветущий в дикой природе, должен уметь развлекаться, ведь ей суждено было оставаться в этом заднем дворце всю оставшуюся жизнь, никогда больше не возвращаясь на родину.

Неся на руках серебряную мышку, Рими бодро вышла из кухни.

<http://tl.rulate.ru/book/76189/2285950>